

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КРИТИКА И СЕМИОТИКА

Выпуск 15 · 2011

Издание подготовлено в рамках Программы Президиума РАН
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Новосибирск – Москва

К вопросу о тематической сети языка и культуры. Древние перформативы, космос и римское право¹

С. Г. Проскурин
Новосибирск

В исследовании языковых и культурных феноменов мы опираемся на гипотезу Ю. С. Степанова о том, что, с одной стороны, в терминах культуры обнаруживаются ценности, разделяемые самими членами общества, и, как следствие, имеющие особые термины для своего именования, а с другой стороны, существуют категории, обобщенные в словесную форму, но принадлежащие метаязыку исследователя.

В такой постановке вопроса содержится положение, предполагающее внутренний порядок лексикона и его внутреннюю сеть. Нами предлагается сетевая модель описания языка и культуры. Сетевая модель не поликефальна, а централизована относительно говорящего субъекта. В центре культуры, находятся ценности субъекта культуры, им переживаемые. В середине культуры фиксируются перформативные ядра или блоки (термин для этого явления предстоит найти, см.: [Вулф, 2007]).

Тематическая сеть языка и культуры формируется вокруг Это. Языки и культура предстают в виде сетевого образования, содержащего перформативные ядра, которые воспринимаются как данности мировой истории, которые нельзя отрицать. Речевой акт, согласно ономастической концепции, лежит в основе мира. Этот речевой акт успешен, он находится вне логики. Его нельзя оценивать по типу истинного или ложного. Вообще, речевые перформативы (сказал или изрек) – нетипичные представители перформативов на современном этапе. Ср. пример из Авесты: «Он изрек слово ...»

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (государственный контракт № 02.740.11.0370).

1. Спросил Ахура-Мазду
Сипитама-Заратуштра:
«Скажи мне Дух Святейший,
Создатель жизни плотской,
Что из Святого Слова
И самое могучее,
И самое победное,
И наилучшее,
Что действенней всего?».

2. «И что победоноснее,
И что всего пелебнее,
Что сокрушает больше
Вражду людей и дэвов?
Что в этом плотском мире
Есть мысль проникновенная,
Что в этом мире плотском –
Отдохновенный дух?».

3. Ахура-Мазда молвил:
«Мое то будет имя,
Сипитама-Заратуштра,
Святых Бессмертных имя, –
Из слов святой молитвы
Оно всего мощнее,
Оно всего победнее
И наилучшее,
И действенней всего».
(ГИМН АХУРА-МАЗДЕ (Яшн1, «Ормазд-яшт»)).

Другим представительным древним перформативом является описание речевого акта библейского творения:

«Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (Бытие).

В сердцеvine иудео-христианского или зороастрийского комплексов веры лежит успешный перформатив, связанный с изреченным или промолвленным. Крупные центры опираются на эти срединные утверждения, не требующие дополнительных доказательств своей истинности. В сердцеvine культуры лежат тексты, созданные, чтобы документировать ее происхождение (см.: [Данези, 2010, с. 128]).

Любой язык имеет внутренний порядок лексикона. Любая культура организована в виде сети уложений. В этом смысле мы наблюдаем различные уровни существования языка и культуры, их различные порядки. С одной стороны, в терминологии и культурных концептах обнаруживаются ценности,

разделяемые самими членами общества, и как следствие, имеющие особые термины для своего именования, а с другой – существующие категории, также обеченные в словесную форму, но принадлежащие метаязыку исследователя.

Матричным выводом из вышеприведенного тезиса является утверждение о том, что комплекс веры покоится на отношении к речевым актам, которые не могут быть подвергнуты логическому опровержению. Они либо стоят или их просто не было.

В филологических исследованиях говорится о «номинализме» как ведущем принципе мифопоэтической традиции. Актуален тезис – существует лишь то, что названо. Далее мы встречаемся с необычной для нас ситуативной моделью древних культур – ценности аккмулируются и передаются в форме ритуализованных действий и не могут быть поняты иначе другими поколениями, чем через их повторение. Иными словами, имеет значение лишь то, что можно повторить или воспроизвести. Например, слово.

Примечательно, что нередко объект рассматривался, как воплощенное слово. Ср. др.-инд. «Пруджапати» (переворотец) «сказал bhñh: это слово стало землей» (*Шатпатха – брахмана II. 1.6.3*).

Здесь также актуален тезис Дж. Остина о перформативах. «Один из многочисленных использований языка я и хотел бы сделать теперь предметом для разговора. Я сосредоточу внимание на типе высказываний, которые выглядят как утверждения и которые грамматически, полагаю, классифицируются как утверждения, – но не являются бессмысленными, не могут быть ни истинными, ни ложными. При этом речь вовсе не идет о высказываниях, содержащие особые глаголы типа «мочь» или особые прилагательные типа «хороший», каковые многими философами рассматриваются теперь лишь как сигналы опасности при разборе. То, о чем я бы хотел поговорить, суть высказывания в самом прямом и строгом смысле слова, содержащие обычные глаголы настоящего времени изыскательного наклонения в первом лице единственного числа. И тем не менее с первого взгляда становится ясно, что они никак не могут быть истинными или ложными. Более того, если нечто произносит подобного рода высказывание, мы говорим, что тем самым он не просто говорит, но делает нечто. Это может звучать несколько странно, но приготовленные мною примеры вовсе не покажутся странными, – напротив, трудно представить себе что-то тривиальное. Я приведу три-четыре. Представим себе, например, что во время свадебной церемонии я говорю “да”, – подтверждая тем самым, что “я беру эту женщину в законные жены”. Предположим, наступив вам на ногу, я говорю “прошу прощения”. Или например, держа в руке бутылку шампанского, я произношу “Называю это судно «Королева Елизавета»...” [Остин, 2006, с. 264].

Определение перформативов позволяет установить базу исчисления более крупных контекстов. В юриспруденции основной вербальный контракт был основан на стипуляции. «Стипуляцией назывался устный договор, заключаемый посредством вопроса будущего кредитора (септин даге spondes? обещаешь дать сто?) и совпадающего с вопросом ответа (spondeo, обещаю) со стороны лица, соглашающегося быть должником по обязательству» (см.: [Новицкий, 2005, с. 196]). Примечательно, что обязательство, возникшее из стипуляции, было обязательством строгого права и потому подлежало строгой букваль-

ному толкованию. Как отмечает И.Б. Новицкий, так, еще Гай считал стипуляцию недействительной, если на вопрос кредитора: «обещаешь ли 10?», должник отвечал: «обещаю 5». Правовые отношения возникли как продолжение перформативных высказываний, за которыми закрепились права и обязательства. Таким образом, исполненная ненадлежащим образом стипуляция признавалась неустойчивой. Постепенно, для обеспечения доказательства совершенной стипуляции вошло в обычай составлять письменный акт, удостоверяющий это обстоятельство (он назывался сапио).

Юристы, говоря о правовой документации, проводят различие между преамбулой, воспроизводящей обстоятельство, в которых была совершена сделка, и, с другой стороны, действующей частью документа – той частью, которая сама по себе является осуществлением законного действия, являющегося конечной целью документа в целом. Поэтому слово «действующий» (operative) является чрезвычайно близким тому, что Дж. Остин понимал под перформативом.

Иными словами, в центре культуры находится контент – формулы, которые являются источником текстов. Так, с течением времени стипуляционные тексты (сапионы) получили такое широкое применение, что значение стипуляционной формы (вопрос и ответ) отошло на второй план, и если только обе стороны присутствовали в одном месте, то при наличии сапион предполагалось, что составлено документа предшествовало совершение словесной формы стипуляции (см.: [Новицкий, 2005, с. 191]). Перформативное ядро культуры сопровождается инсценировкой – искусством перформанса. Перформативное высказывание разворачивается в более крупный контент, который становится символом перформативного акта. Так стипуляционная формула spondeo восходит к ритуальным индоевропейским установлениям – жертвоприношением жидкостью или возлиянием.

«Жертвоприношение жидкостью, выражаемое в греческом глаголе spondō, spondomai и существительным sponde, специально определяется как “жертва во имя безопасности” Взакому предпритию, связанному с риском, – путешествием, военному походу, – но также и договорам, в том числе мирным, предшествует обычно sponde.

Понятие обеспеченной безопасности и гарантий лежит в основе изначально юридического значения латинского spondeo. Здесь жертвоприношение жидкостью уже исчезло, но его функция сохраняется: filiam spondere значит «отдавать дочь в качестве супруити» (sponsa) выступая гарантом брака» [Бенвенист, 1995, с. 360]. Отсюда появляется контент-формула tespondeite, которая означает «отвечать, что...» – «отвечая за...».

Итак, тематическая сеть языка и культуры включает в себя ритуал возлияния, имеющий форму культурного исполнения. Помимо этого форма культурного исполнения подражает перформативное высказывание (spondio), представленное в виде жанрового текста – текста клятвы. Все вышеозначенное сопровождается искусством перформанса, т.е. сценарного действия.

Так, обязательство из стипуляции имело ритуальный характер. В стипуляционную форму можно было обещать любое обязательственное отношение: и заемное обязательство, и обязательство уплатить цену за купленную вещь и т.д. «Стипуляцией нередко пользовались в целях новации, т.е. стипуляцию

заключали для того, чтобы прекратить уже существующее обязательство, поставив на его место новое, возникающее из стипуляции. Показав факт стипуляции, кредитор тем самым получал возможность высказаться по обязательству» [Новицкий, 2005, с. 198].

Центральное положение ритуальных практик типа стипуляций делало удобной обобщечкой позволяющей вложить в нее любое содержание и быстро проводить его в жизнь, делая стипуляцию самой употребительной в римском праве формой договора. Ритуализация формы вопросов и ответов, т.е. каков вопрос – таков и ответ, формироваала обязательный характер стипуляционного обещания. Вокруг стипуляционного обещания группируются многие слова, и уместно привлечь к рассмотрению те, которые относятся просто в силу соответствующего установления.

«Присяге или заключению договора сопутствует обряд, что выражено греческим *spondō* “совершать возлияние”, хеттским *šipant, išpan*, т.е. *spondō* отразился на диалогической характере происхождения латинского. Если говорить языком математики, то необходимо сказать, что выражение согласия это уравнение с контрэнантичными левыми (вопросными) и правыми (ответными) формулами. Нам известны формулы сватовства и согласия на брак. Их воспроизводит Плавт (*Trinummus* 1156, 1162): *sponden (=spondere)* спрашивает жених у отца молодой девушки, а отец отвечает: “да, клянусь”. И снова: *filiam tuam sponden mihi uxorem dāti?* – *spondeo*. И наоборот, отец может спросить молодого человека: “берешь ли девушку замуж?”. И *spondeo*. *Spondio* воспроизводит эти значения вместе с развившимся в юридическом направлении». Э. Бенвенист отмечает: «Как это специфически римское значение соотносится с тем, что показывает греческий материал?» И сам дает ответ. «И там и там это всегда гарантия безопасности. Как в эллинистическом мире возмещение служило обеспечению безопасности жертвователя, так и в Риме. Он находится здесь, чтобы поручиться судье, противной стороне, правосудию, что не будет отсутствовать ни обвиняемый или подсудимый, ни другая. В браке *spondio* есть поручительство, которое дает отец жениху за свою дочь, в чем и состоит клятва» [Бенвенист, 1995, с. 363].

Наше же инновационное замечание по этой перформативной формуле связывается с диалогической формой верификации перформатива. Перформатив может быть верифицирован только через ритуальное повторение фразы. Потерянный, должен вернуться. Геттону должно быть известно, что сын, давно давно, если он сказал правду, а тот в свою очередь ругается: *sponden tu istud?* – *Spondeo*. «Ты это обещаешь? – Обещано».

899 *At ego tibi adventisse filium respondeo*. «А я в ответ обещаю тебе, что сын вернулся».

Этот диалог строится на юридической формуле: *spondio* одного и *respondio* другого выступают формулой гарантии взаимного обязательства. В

этом диалоге подчеркивается ритуальная формула взаимности, которая строится на повторении и верификации сказанного.

«Из обмена гарантиями рождается уже установившееся в латини значение *respondeo* “отвечать”. *Respondeo*, *respondimus* говорят о толкователях богов, о жрецах, особенно о гарусликах, дающих в обмен на жертву – обещание, в обмен на подарок – безопасность; это ответ оракула, жреца» [Бенвенист, 1995, с. 364]. Цель взаимных обязательств, возникающих в перформативных актах культуры, находит подтверждение в германской ритуальной формуле др.-англ. *andswari* “отвечать” при готском *swaigan* “клясться”. В основе жанрового текста вновь лежит контент-формула клятвы и ее повторения. Таким образом, формула взаимного обязательства носит перформативный характер, закрепляемый повторением *Я клянусь, обещаю* и в ответ *Я клянусь, обещаю*. Возникающее таким образом обязательство представляет по своему характеру ритуальный диалогический текст, который лежит в основе формульных юридических текстов. Так, еще один речевой акт воплощен в жанровом тексте двуклязненного договора. Когда юридически стороны заключают договор они дважды повторяют текст, меняя акторов произнесенных обязательств. Уже у Теренция широко представлены *spondendi* и *spondeo* в значении заключать соглашение: *spondendi ei eipen* “заключать мир”. Однако это особый тип соглашения, берущий начало в апелляции к божественному провидению.

Что же касается развития контент-формулы обязательства, то в императорский период на первый план выходят хирографы, представлявшие собой вид письменного обязательства перформативной природы (Я, такой-то, должен такому-то столько-то) и подписывались должником. Любопытно, что хирографы противопоставлялись в римской правовой культуре синграфам, которые изготавливались в третьей линии (такой-то должен такому-то столько то). В теории перформативов отмечается, что высказывание, начинающееся с «я обещаю, что...» сильно отличается от высказываний, начинающихся с «он обещает, что...» и, в прошедшем времени, «я обещал, что...». Кстати, синграфы составлялись в присутствии свидетелей, которые подписывали его вслед за тем, от чьего имени он составлялся. Эти высказывания также, несомненно, по виду являются нарративами, но из них выводятся перформативы. В пользу этого говорит и тот факт, что они требуют того или иного вида подписи, показывающей, кто именно осуществляет акт подписания, утверждения в правах на что-либо и т.д. Типичным для подобного рода перформативных актов, особенно если они оформлены в виде письменных документов, является то, что в них либо реально присутствует, либо может быть добавлено слово «сним, настоящим» (*petebū*) [Юстин, 2006, с. 271].

Резюмируем сказанное: культура включает в себя перформативные ядра или ценности, которые способны порождать более крупные контенты. Таким образом, в римской правовой сети центральными перформативами являются индоевропейские глаголы возлиания, которые в ритуальных перформативных ядрах эволюционируют в сторону литературных (письменных) контраптов. Сам текст литературного контрапта полностью выводится из перформативных ритуальных практик взаимных обязательств в форме устных стипуляций. Далекая гипотеза об устроении тематической семантической сети языка и культуры, мы утверждаем, что содержание культуры в своей сердцевине осоз-

нается в терминах языка как «ценность», переживаемая носителями культуры. Помимо этого, язык и культуры как бы самопротоовариваются, порождая смыслы, стоящие за системой, при помощи которых, сама система и описывается.

Библиография

- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
Вульф К. Антропология. История, культура, философия. СПб., 2007.
Новицкий И.Б. Римское право. М., 2005.
Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила СПб., 2006. С. 262–281.
Проскурин С.Г. Тематическая сеть языка и культуры // Критика и семантика. Новосибирск, 2010. Вып. 14.

Жанр и Дискурс¹

В.И. Тюпа
МОСКВА

Жанр – понятие глубоко традиционное, сформировавшееся в лоне нормативных поэтик, а в Новое время теоретически неоднократно переосмысливавшихся и вследствие этого терминологически неустойчивое². Дискурс – понятие шестое и вследствие этого терминологически неустойчивое². Дискурс – понятие относительно новое, появившееся лишь в середине XX столетия и тоже далеко еще не установившееся в терминологическом употреблении, но уже вследствие своей молодости. Совместивший данные понятия Цветан Тодоров в 1975 г. писал: «В литературоведческих исследованиях правила, собственные дискурсу, изучаются обычно в разделе "жанры"»³.

Взаимоложение и разграничение этих двух распыляемых, но в известной степени ключевых для современной филологии понятий призвано послужить прояснению их категориального содержания, а также эвристических возможностей обращения к ним.

Приступив в начале 1950-х к работе над «Проблемой речевых жанров», М.М. Бахтин сетовал на отсутствие в лингвистике понятия, концептуализирующего высказывание не как грамматическое предложение, а как «целое высказывание», которое «уже не единица языка (и не единица «речевого потока» или «речевой цепи») а единица *речевого общения*, имеющая не значение, а смысл [...] имеющий отношение к ценности – к истине, красоте и т.п. – и транс-

¹ Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по проекту «Дискурсивные стратегии современной русской литературы в социокультурном пространстве России».

² См.: *Schaeffer J.-M.* Qu'est-ce qu'un genre littéraire? Paris, 1989.

³ *Todorov C.* Понятие литературы // Пер. Г.К. Косикова // Семантика / Ред. Ю.С. Степанов. М., 1983. С. 367.